

Дезертиры в революции 1917 г.

Статья посвящена анализу дезертирства в ходе русской революции 1917 г. Работа основана на новых, впервые привлекаемых в научном исследовании архивных документах. Главным объектом являются причины, формы, динамика проявлений дезертирства в армейских частях на фронте и в тылу. Предмет анализа – влияние дезертирства на боеспособность армии и развитие революционного движения внутри страны, эффективность борьбы военного руководства с помощью «демократических» методов с этим видом воинского преступления. Автор приходит к выводу, что военным властям не удалось эффективно использовать как идейные, так и правовые меры, включая «революционные суды», против дезертирства, превратившегося в важный фактор разложения армии и углубления революции.

Ключевые слова: стихийность масс, Русская революция 1917 г., боеспособность и разложение русской армии, дезертирство, «революционные суды».

В революции 1917 г.¹ всегда важным был вопрос стихийности, несознательности и, наоборот, организованности, осмысленности действий масс². Важнейшее значение для успеха Февральской революции было участие в ней тысяч дезертиров в Петрограде. Именно они проводили наиболее бескомпромиссную линию борьбы с самодержавием. Только после успеха солдатского бунта подавляющее большинство солдат Петроградского гарнизона, оказавшихся вне закона, т. е. в сущности такими же дезертирами, искало легитимации своих действий в деятельности Петроградского совета солдатских и рабочих депутатов³. Так стихийность масс привела к активизации социально-политических сил по созданию новой «демократической России». Однако дезертирство продолжало не только существовать, но и оказывало серьезное влияние на социально-политические процессы в армии и стране в целом в 1917 г. Величина, направленность, значение этого влияния недостаточно изучены в научной литературе. Тем более остается неясным вопрос эффективности борьбы с дезертирством

новых «демократических» властей. В данной статье, основанной на впервые привлекаемых материалах Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА), автор проводит анализ дезертирства, его размаха, значения в углублении революции, а также итогов борьбы с ним.

После Февральской революции дезертирство из армии продолжалось, проявляясь как в старых, так и в новых формах. Дезертирство явное включало прямой уход из войск, особенно во время наступлений и отступлений, бродяжничество, побеги из маршевых рот, из мест лечения, а также не вернувшихся или задержавшихся в период поездки в отпуска для поправления здоровья после болезни, а также после отпуска на полевые работы. Первоначальной волне дезертирства способствовали атмосфера эйфории на фронте, ощущение вседозволенности, падение контроля со стороны начальства, а также желание лично поучаствовать в событиях путем поездок в штаб воинского формирования, ближайший город или даже в Петроград. Согласно официальным данным, количество дезертиров из армий в первые месяцы после Февральской революции до середины мая резко возросло, составив 86 тыс., т. е. почти половину всего дофевральского их количества. При этом основная часть дезертиров, около 80 %, пришлось на запасные и ополченческие части⁴. На Северном фронте за этот период дезертирство увеличилось по сравнению с периодом с 1 января по 1 марта в 3,5 раза в войсковых частях и почти в 6 раз в запасных и ополченческих, а всего по фронту – в 5 раз, с 5 до 25 тыс. чел., в то время как на Юго-Западном фронте за последнюю декаду апреля было задержано 4627 чел.⁵

С середины мая до августа 1917 г. количество дезертиров на фронте уменьшилось, хотя и оставалось большим: около 3 тыс. на Северном и Румынском, и 12–20 тыс. на Западном и особенно на Юго-Западном фронтах в месяц⁶. Уменьшение дезертирства в этот момент было связано с подготовкой к июньскому наступлению, которое, как ожидалось, приведет к успеху и к окончанию войны. После июня количество дезертиров на фронте вернулось к цифрам до переворота: 1–4 тыс. в войсковых и запасных частях⁷. Это явилось следствием провала наступления и увеличением негативных настроений на фронте. Всего же за период с 1 марта по 1 августа 1917 г. количество задержанных дезертиров составляло 170 тыс. чел., т. е. было почти равно их количеству до Февральской революции⁸.

По видам дезертирство после Февраля значительно расширилось. Прежде всего это поездки в отпуска с обязательными задержками, что практически сходило солдатам с рук еще до революции⁹.

После Февраля именно по линии отпусков солдаты-крестьяне усиленно добивались для себя «прав». В результате в ряде армий комитеты приняли решения отправлять в отпуска по 100 чел. («старослужащих», т. е. старше 40 лет) от каждого пехотного полка¹⁰. Как правило, они не являлись к необходимому сроку, опаздывая на 10–60 дней и даже требуя продления отпуска до конца полевых работ. В ходе этих работ солдаты на селе, кроме собственно занятий по хозяйству, вели активную политическую деятельность в качестве членов продовольственных комитетов, советов крестьянских депутатов, комитетов отпускников¹¹.

Множество солдат и офицеров, врачей и военных чиновников проводили время в заседаниях комитетов, советов, различных делегаций и тому подобных революционных армейских организаций непосредственно на театре военных действий. Практически они были исключены из боевого состава, что начальством рассматривалось как еще одна форма дезертирства¹². Почти каждая запасная бригада в Петроградском и Двинском военных округах в тылу на осень 1917 г. насчитывала таких комитетчиков от 300 до 1000 чел.¹³ На Юго-Западном фронте только во фронтовых частях в составе выборных армейских организаций их насчитывалось 72 тыс.¹⁴ Еще одной формой ухода от боевой деятельности были переходы в национальные части, что затронуло сотни тысяч человек, переходивших из части в часть и с одного фронта на другой. Эта форма дезертирства охватила множество лиц не только русского подданства: поляков, сербов¹⁵. Особенно много дезертиров насчитывалось в украинских частях¹⁶.

Дезертирство оказывало крайне негативное влияние на боеспособность армии и дестабилизировало общественно-политическую ситуацию внутри России. Дезертиры, вливавшиеся постоянно в армию, порою являлись прикрытием для проникновения на передовую позицию шпионов, политических агитаторов и других преступных элементов. Это требовало их тщательной проверки¹⁷. Так, например, в сводке по Западному фронту был зафиксирован упадок боевого духа в 10-й армии: «Армия не может выздороветь, пока зараженный тыл будет посылать ей маршевые роты, оставленные из пораженцев и большевиков»¹⁸. Но и, будучи задержанными на фронте, дезертиры доставляли массу проблем: негде было их содержать, особенно в районах, где не дислоцировались запасные части, неясно было, куда направлять осужденных¹⁹. Создавались трудности для слушания дел о дезертирах не «своих» полков, куда «командировали» задержанных из различных тыловых учреждений²⁰.

Еще больше было проблем и от дезертиров в отношении мирного населения, причем как на театре военных действий, так и вне

его. Так, начальство Западного фронта было озабочено тем, что ряд уездов наполняются дезертирами, которые терроризировали и грабили население. Ввиду того, что в первое время после Февральской революции полиция и стражники были упразднены, временно исполнявший обязанности главкома армиями Западного фронта приказывал принять энергичные меры к прекращению дезертирства и очищению тыла от дезертиров²¹. В некоторых городах дезертиры могли оказывать воздействие на конкретную политическую ситуацию. Особенно их влияние сказывалось в сельской местности, где они, как правило, занимались хулиганством, вели антивоенную агитацию, в целом подрывали порядок, опираясь на родственников, знакомых. Местные комитеты общественной безопасности (например, в Холме, Бендерах) принимали решения об экстренных и энергичных мерах к розыску и задержанию дезертиров, привлекая для этого сельское начальство (деревенских и сельских старшин и милиционеров), комитеты эвакуированных, строго внушая и разъясняя им важность искоренения дезертирства. В резолюции Холмского комитета общественной безопасности подчеркивалось: «Промедление ликвидации дезертирства деморализует армию и окончательно подрывает основы государственно-гражданского долга в населении»²². Власти на местах требовали посылки военных отрядов, так как не могли своими силами справиться с дезертирами. Таким образом, население деревень втягивалось в вопросы войны и мира. Некоторые Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов стали принимать свои меры против дезертиров, включавшие запрет всех отпусков, введение караулов на железнодорожных станциях, военного контроля для проверки увольнительных билетов на транспорте, ужесточение правил выдачи сопроводительных документов для солдат, передачу задержанных на распределительные пункты²³.

Первоначальные меры борьбы с дезертирством включали нравственное воздействие пропагандистской кампании с призывами вернуться в армию, чтобы «защитить родину и революцию»²⁴. В ряде армий Юго-Западного фронта старшие офицеры проводили беседы о текущих событиях, наблюдали за неблагонадежными солдатами; отправлялись дозоры и караулы на важнейшие пути и станции железных дорог; объявлялся розыск по месту жительства родных дезертиров с извещением их о поступках родственников на фронте или лишением пайков; расклеивались в населенных местах на родине подробные сведения о дезертирах²⁵. Резко был усилен контроль на поездах²⁶.

Попытки регулировать проблему дезертирства правовыми мерами начались в первые дни революции. Уже 11 марта главком

армиями Северного фронта Н.В. Рузский приказал освободить из-под стражи дезертиров, как привлеченных к ответственности, так и осужденных к исправительным наказаниям, включая и осужденных на каторгу, при условии их раскаяния и желания заслужить прощение боевой службой. Все дела по дезертирам и их наказание откладывались до окончания войны²⁷. Важнейшим актом контроля и борьбы с дезертирством была предложенная 16 марта начальником военных снабжений армий Северного фронта Н.А. Даниловым амнистия вернувшимся в течение конкретного срока. После этого срока предполагалось «строгое преследование самовольно отлучившихся и уклоняющихся по закону с тщательным выяснением всех таких лиц на местах»²⁸. В результате этого предложения уже на следующий день на заседании Временного правительства было принято постановление об «амнистии». Оно предусматривало освобождение от суда и наказания дезертиров и уклоняющихся от военной службы с условием, что не позже 1 мая 1917 г. они добровольно явятся на места призывов или в свои части²⁹. Однако эффект от амнистии оказался не таким, как от нее ожидали. Поэтому уже 4 апреля в воззвании Временного правительства был определен новый срок возвращения – 15 мая³⁰. В свою очередь, такой пересмотр закона вызвал возражение у главкома армиями Юго-Западного фронта А.И. Деникина, который считал, что таким образом роняется авторитет власти, возникают двусмысленности и т. п.³¹

Далеко не все дезертиры воспользовались полученной возможностью своей легализации. По данным главкома Западным фронтом, только незначительная часть дезертиров в апреле возвратилась в строй. Так, в пределах Петроградского военного округа с 1 апреля по 15 мая вернулось около 3500 дезертиров. В запасной батальон Павловского полка гвардии за это время вернулось 102 чел. В батальон же Преображенского полка дезертиры вовсе не явились³².

В ходе ожидания результатов амнистии власти не прекращали борьбу со злостными дезертирами. Однако наплыв дезертиров на этапные части привел к серьезному сбою в системе задержания и судопроизводства над ними: на местах не хватало частей для облавы и запасных частей для содержания задержанных, корпусные суды не справлялись с самовольщиками. Ввиду истечения к 15 мая последнего срока явки дезертиров Военный министр приказал принять самые энергичные меры для задержания дезертиров и привлечения их к ответственности по всей строгости закона³³. Но и после этого срока количество задержанных дезертиров продолжало оставаться очень высоким. Скапливаясь тысячами в различных городах и на фронте, они становились инициаторами беспорядков³⁴.

Это привело к необходимости создания особых судов, поскольку прежние военно-окружные и корпусные суды по своему составу не годились³⁵. Не позднее 22 мая главнокомандующими Северного фронта возбудил ходатайство об учреждении особых временных судов во всех тыловых гарнизонах для ускорения рассмотрения дел дезертиров³⁶. 28 мая Временное правительство приняло положение о таких судах до организации корпусных и военно-окружных судов на новых началах. По проекту, разработанному в Главном военно-судебном управлении (ГВСУ), в такие суды должны были входить, кроме председателя, по одному представителю от офицеров (по возможности юристов) и солдат, назначаемых по указанию военно-общественных организаций (советов, комитетов и т. п.). Производство в этих судах подчинялось общему порядку, установленному для корпусных судов. При этом ГВСУ спрашивал у Временного правительства утверждения этой временной меры и распространения ее и на местности вне театра военных действий (т. е. внутри империи) с введением ее в действие по телеграфу³⁷.

Временные суды для дезертиров начали организовываться на фронтах и в тыловых округах по всей стране. Перед новыми судами, кроме непосредственной борьбы с дезертирством, ставилась задача действовать «в полном соответствии с идеальным требованием права о равенстве всех граждан перед лицом закона». Новый главный военный прокурор В.А. Апушкин требовал от судов «не преследовать солдат», «проникнуться широким пониманием демократических начал, на которых строится отныне жизнь русского народа и его обновленной революцией армии»³⁸. Однако в ряде районов образование особых судов для дезертиров встретило «неодолимые препятствия». На местах распоряжение о судах застало армейские штабы «совершенно врасплох». Местные общественные комитеты безопасности, советы, как оказалось, не могли представить в состав суда лиц по требованиям суда, тем более трудно было обеспечить защиту и состав присяжных заседателей. Ощущалась и нехватка юристов, или не было данных об их наличии, особенно в войсках. Не было самой базы сведений о количестве дезертиров, их различных категориях, указаниях, как поступать с дезертирами, которые уже числились за полковыми судами. К тому же продолжал действовать военно-окружной суд с участием присяжных заседателей. Возникла проблема суждения за самовольную отлучку или побег, вопрос, как поступить с теми, кто явился спустя несколько дней после назначенного дня амнистии 15 мая, что требовало наведения массы справок. В результате даже в таких военных округах, как Московский, в конце июня особые суды вообще

не открылись³⁹. Все это потребовало согласований, уточнений с вышестоящими инстанциями.

К августу выяснилось, что и особые суды действуют медленно, всего 50–60 чел. в неделю при наличии нескольких сот подсудимых. Между тем число вновь задерживаемых, в виду массы самовольно оставивших свои части под предлогом уборки урожая в тыловом районе, а также бежавших из войскового района во время июньского отступления, продолжало нарастать⁴⁰. Появились сообщения и о насилии против суда, о пропаганде среди солдат не подчиняться суду и вообще закону. Возник даже вопрос об охране подсудимых, назначении судебных заседаний в спокойных, безопасных местах, необходимости избегать концентрации подсудимых и арестованных⁴¹. В этой ситуации в Политическом кабинете Военного министерства появились сомнения в самой необходимости временных особых «демократических» судов. Опасались, что новые суды не смогут гарантировать правосудия и не будут авторитетными. Однако на местах продолжали считать возможным использование временных судов в целях более быстрого разрешения накопившихся дел⁴².

В то же время, согласно докладу комиссара Северного фронта В.Б. Станкевича военному министру А.Ф. Керенскому в августе 1917 г., беседы с представителями военного суда показывали картину «полнейшей растерянности и сознания невозможности удовлетворительно справиться с поставленными задачами». Проблема была в несогласованности множества постоянно прибывающих новых законоположений, приказов, инструкций и распоряжений. Отсутствие кодификации лишило судебную деятельность надежной и твердой юридической основы. А «полное незнакомство» командного состава и представителей войсковых комитетов с новой военно-судебной организацией, недостаточность личного состава по количеству и по качеству делали эфемерной надежду на демократизацию судебного ведомства⁴³.

Существовала, однако, еще одна, крайняя, мера для обуздания не спадавшей волны дезертирства – смертная казнь. Однако восстановленная 12 июля эта высшая мера наказания на фронте не применялась к массе дезертиров. Эта мера использовалась только в рамках действия чрезвычайных временно-революционных судов за преступления, совершенные непосредственно на передовой линии: за побег к неприятелю или с поля сражения, самовольную отлучку из караула с поста в виду неприятеля и т. п.⁴⁴

В условиях парализации действий постоянных (военно-окружных, корпусных), временных (для дезертиров) и чрезвычайных (временно-революционных) судов резко обострилась проблема

пополнения армии из состава дезертиров («ленинцев») и арестованных (преступников, направлявшихся на фронт для «искупления себе прощения»).

Начальство Северного фронта констатировало в августе 1917 г., что «ежедневно с этапов в части прибывает много дезертиров самого хулиганского типа и таким образом в части все время вгоняются вредные гнойные образования. Все это самым тяжелым образом отражается на той созидательной работе, которая идет в частях». В связи с этим предлагалось всех задержанных и доставленных на этап дезертиров и бродящих отправлять не в части армии, а в запасные полки фронта⁴⁵.

Порой военное командование вообще отказывалось от пополнений, одновременно остерегаясь и накапливания преступного дезертирского элемента в запасных частях. Дело было еще и в охране арестованных, что ослабляло войсковые части, отвлекая из их состава большое число военнослужащих. В частях указывали, что пополнения состоят в значительной степени из дезертиров и арестованных. По существу, этот контингент требовал применения к ним ускоренного суда, однако суды не справлялись с таким наплывом. С другой стороны, по мнению начальников корпусов, дивизий и полков, в подавляющем большинстве эти люди были не способны к исправлению, «нравственные отбросы солдат», люди с «растяжимой совестью», которые развращали солдатскую массу. Положение становилось угрожающим. Преданных России, свободе и революции солдат части не получали⁴⁶.

Это привело к идее создания особых тыловых частей из всех задержанных дезертиров, дела которых еще не внесены в суд, и тех, которые будут задержаны. Но в этом случае встал вопрос о содержании дезертиров. Ряд высших начальников (Данилов) поставили вопрос о возвращении к порядку, установленному приказом по Северному фронту № 915 1916 г., т. е. не отправлять на фронт дезертиров, а выдерживать их в особых ротах запасных полков. Там дезертиры были бы в изоляции, выяснялось бы их прошлое с последующей передачей их суду. Способные же готовились бы к отправке в армию, а закоренелые подлежали бы длительному оставлению в этих частях, носивших, по существу, характер исправительных, но без формального осуждения. В вопросе о пополнениях Данилов ссылался на мнения начальников на местах, готовых уменьшить армию даже вдвое, лишь бы избавить ее от преступного элемента из числа дезертиров⁴⁷. Уже с июля некоторые командующие военными округами стали издавать приказы, согласно которым все задержанные дезертиры должны назначаться в ближайшие запасные части для отправления их в действующую армию

с первыми маршевыми ротами. Остальные же дезертиры поступали в спецчасти, где и ожидали суд⁴⁸. Такие части предлагалось создать в ближайших к месту задержания дезертиров районах на театре военных действий. При этом в частях устанавливались бы особые порядки: лишение младшего командного состава унтер-офицерских или ефрейторских званий, перевод их на оклад рядового, лишение всех политических и других прав, включая и наделения земель, сообщение списков таких нарушителей на родину⁴⁹. Ряд командиров предлагали создать особые дисциплинарные полки, переработав положение о дисциплинарных батальонах. В этих частях не предусматривалось выборных организаций (комитетов и судов). В них вводился суровый режим: увольнения лишь с разрешения начальства, ограниченное посещение казарм посторонними, запрет на отпуска. В этих частях предполагалось организовать суды по типу военно-революционных, «из представителей военно-судебной власти» и представителей войсковых организаций с включением для каждого дела в состав судейской коллегии присяжных заседателей по жребию двух офицеров и двух солдат (а не представителей комитетов). Для госпиталей и санитарных учреждений должны были создаваться дисциплинарные госпитали со строгим режимом⁵⁰. Другие начальники прямо предлагали организовать особые рабочие команды с введением в них особого режима применительно к дисциплинарным батальонам, куда и направлять преступный элемент из армий⁵¹. По существу, это означало создать глубоко в тылу концлагеря. Все указанные проекты разрабатывались уже в июле–августе и могли быть осуществлены только при кардинальной перемене дисциплинарной политики в армии. Провал Корниловского выступления практически похоронил эти проекты.

Согласно сведениям комиссаров и дежурных генералов фронтов, в европейской части театра военных действий количество дезертиров в сентябре–ноябре 1917 г. было невелико, по несколько десятков человек в неделю на каждую армию или по несколько сотен на каждом фронте (500–700–1000 чел.)⁵². Случаи дезертирства тонули в массе инцидентов, отказов выхода на занятия и т. п., в «острой жажде мира» и в целом в ожидании близкого конца войны⁵³. Только на Кавказе отмечалось усиление дезертирства – до 5 тыс. чел. во второй половине октября⁵⁴. Но в некоторых запасных частях Петрограда количество дезертиров на полк составляло в августе 1917 г. 500–1000 чел.⁵⁵ В Двинском военном округе количество задержанных дезертиров поднималось в ноябре до 2000 чел.⁵⁶ В условиях массового разложения армии, ее «революционизирования» в конце 1917 г. проблема дезертирства

как таковая практически исчезла. В первые месяцы после Октябрьского переворота количество дезертиров значительно увеличилось. Так, в армиях Северного фронта за последнюю неделю 1917 г. в дезертиры подалось почти 3 тыс. чел.⁵⁷ В начале января эта убыль составляла почти полторы тыс. человек, далее 2,2 тыс. чел. и нарастала до 3,7 тыс. чел. в конце января⁵⁸. Правовым проявлением легализации дезертирства в виде прекращения военных действий и подготовки сепаратного мира стал декрет Совнаркома о суде от 22 ноября 1917 г., упразднявший все военные и морские суды всех наименований и приостанавливавший производство всех военно-судебных дел, в том числе по дезертирству⁵⁹.

Так закончился эксперимент по борьбе с дезертирством путем «демократизации» армии. Военному командованию не удалось ни перекрыть доступ дезертирам в армию, ни обеспечить эффективный контроль над ними в запасных батальонах, где дисциплинарный режим был слабее по сравнению с царской армией. Как и в случае с ситуацией до Февральской революции дезертиры накануне Октябрьского переворота стали важной частью разложения армии уже на всем театре военных действий, включая и ближайшие к нему военные округа. Тем самым «стихийность» солдатских масс, не желавших воевать, а стремившихся к выполнению своих социальных чаяний, полностью совпала с революционными проектами, повлиявшими на изменение судьбы армии и всей страны.

Примечания

¹ Автор придерживается представлений о событиях в России 1917 г. как единой Русской революции (Великой Российской революции) 1917 г. с рядом этапов, важнейшими из которых были Февральская и Октябрьская революции (соответственно Февральский и Октябрьский перевороты). См.: *Шубин А.В.* Великая Российская революция: от Февраля к Октябрю 1917 года. М.: ООО «Родина МЕДИА», 2014.

² Февральская революция 1917 года: проблемы истории и историографии: Сб. докл. Междунар. науч. конф. / Отв. ред. В.В. Калашников; под ред. Д.Н. Меньшикова. СПб.: Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2017. С. 9, 17, 39, 51, 66, 96, 112, 133, 154–156, 317, 320.

³ См.: *Астахов А.Б.* Петроградский гарнизон накануне 1917 года: от повседневности прифронтового города к революции // Вестн. Твер. гос. у-та. Сер. «История». 2017. № 1. С. 17–38; *Астахов А.Б., Булдаков В.П.* Война в столице империи // Россия в годы Первой мировой войны: экономическое положение, социальные процессы, политический кризис. М.: РОССПЭН, 2014. С. 748–756.

⁴ Россия в мировой войне 1914–1918 года: в цифрах. М., 1925. С. 26.

- ⁵ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 822. Л. 110, 111 об.
- ⁶ Там же. Ф. 2032. Оп. 1. Д. 217. Л. 91.
- ⁷ Там же. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1762. Л. 49 об., 51 об.; 66–66 об., 71; Оп. 2. Д. 822. Л. 127, 145, 147, 153, 157, 158, 163.
- ⁸ Россия в мировой войне 1914–1918 года... С. 26.
- ⁹ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 905. Л. 23, 28; *Стелун Ф.* Бывшее и несбывшееся. М.: Прогресс-Литера; СПб.: Алетейя, 1995. С. 285.
- ¹⁰ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3863. Л. 585.
- ¹¹ Там же. Ф. 1343. Оп. 10. Д. 1851. Л. 187–188.
- ¹² Там же. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1762. Л. 107.
- ¹³ Там же. Ф. 1932. Оп. 3. Д. 300. Л. 160, 174, 176.
- ¹⁴ *Головин Н.Н.* Военные усилия России в мировой войне. Т. 1. Париж: Товарищество объединенных издателей, 1939. С. 206–208. Всего Н.Н. Головин насчитывает на ноябрь 1917 г. свыше двух млн легальных и скрытых дезертиров. Однако эти данные не подтверждаются приведенным материалом.
- ¹⁵ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 328. Л. 53–53 об.; Д. 330. Л. 21 об.
- ¹⁶ Там же. Ф. 1759. Оп. 3. Д. 790. Л. 5, 143.
- ¹⁷ Там же. Ф. 2031. Оп. 2. Д. 555. Л. 145–145 об.
- ¹⁸ Там же. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1762. Л. 58.
- ¹⁹ Там же. Ф. 1932. Оп. 3. Д. 288. Л. 817.
- ²⁰ Там же. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 218. Л. 27 об.
- ²¹ Там же. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 822. Л. 58.
- ²² Там же. Ф. 1932. Оп. 3. Д. 304. Л. 1377–1378; Ф. 801. Оп. 19. Д. 18. Л. 36–36 об.
- ²³ Там же. Д. 300. Л. 182.
- ²⁴ Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3037. Л. 355–358 об., 359–366 об.
- ²⁵ Там же. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 822. Л. 77, 98–98 об.
- ²⁶ Там же. Оп. 1. Д. 1760. Л. 10, 12; Оп. 2. Д. 822. Л. 76–77.
- ²⁷ Там же. Ф. 2033. Оп. 1. Д. 231. Л. 189.
- ²⁸ Там же. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 822. Л. 60.
- ²⁹ Сборник указов и постановлений Временного правительства. Выпуск № 1. 27 февраля – 5 мая 1917 г. Составлен Отделением Свода законов Государственной канцелярии. Пг.: Гос. тип., 1917. С. 281; РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 822. Л. 57.
- ³⁰ Сборник указов и постановлений Временного правительства. Выпуск № 1. 27 февраля – 5 мая 1917 г. С. 288; РГВИА. Ф. 2032. Оп. 1. Д. 217. Л. 41: Приказ по армии и флоту № 5 от 5 мая 1917 г.
- ³¹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 822. Л. 91.
- ³² Там же. Ф. 1343. Оп. 2. Д. 273. Л. 13, 16, 20, 35.
- ³³ Там же. Ф. 1932. Оп. 3. Д. 304. Л. 915.
- ³⁴ Там же. Ф. 2032. Оп. 1. Д. 217. Л. 41.
- ³⁵ Там же. Ф. 1932. Оп. 3. Д. 304. Л. 915.
- ³⁶ Там же. Ф. 2032. Оп. 1. Д. 217. Л. 41; Ф. 1932. Оп. 3. Д. 304. Л. 915.
- ³⁷ Там же. Ф. 801. Оп. 19. Д. 18. Л. 4–5, 8–9, 25–31, 36–36 об., 45, 48, 78–78 об.
- ³⁸ Там же. Ф. 366. Оп. 2. Д. 23. Л. 55–56.

- ³⁹ Там же. Ф. 801. Оп. 19. Д. 18. Л. 64–66.
- ⁴⁰ Там же. Л. 95–95об.
- ⁴¹ Там же. Ф. 1343. Оп. 2. Д. 277. Л. 134–134об.
- ⁴² Там же. Ф. 366. Оп. 2. Д. 23. Л. 22–23.
- ⁴³ Там же. Л. 62об.
- ⁴⁴ Там же. Ф. 1343. Оп. 2. Д. 277. Л. 14–14об.
- ⁴⁵ Там же. Ф. 2031. Оп. 2. Д. 555. Л. 172, 175.
- ⁴⁶ Там же. Л. 154–157об.
- ⁴⁷ Там же. Л. 140–142, 147, 149.
- ⁴⁸ Там же. Ф. 801. Оп. 19. Д. 18. Л. 107–109.
- ⁴⁹ Там же. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 822. Л. 176.
- ⁵⁰ Там же. Ф. 366. Оп. 2. Д. 33. Л. 355.
- ⁵¹ Там же. Ф. 2031. Оп. 2. Д. 555. Л. 148–148 об.
- ⁵² Там же. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1762. Л. 172–184, 173.
- ⁵³ Там же. Ф. 366. Оп. 2. Д. 166. Л. 45–165.
- ⁵⁴ Там же. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1762. Л. 177
- ⁵⁵ Там же. Ф. 1343. Оп. 10. Д. 1851. Л. 24–27, 29–33, 222–240, 244–250об.; Д. 1851. Л. 251–276, 277–290об.
- ⁵⁶ Там же. Ф. 2032. Оп. 1. Д. 217. Л. 75–143; Ф. 1932. Оп. 3. Д. 195. Л. 411–728; Д. 304. Л. 975–1455.
- ⁵⁷ Там же. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 352. Л. 2.
- ⁵⁸ Там же. Л. 9, 16, 25, 29
- ⁵⁹ Там же. Ф. 1343. Оп. 2. Д. 277. Л. 141.